

Тимофеев: Ей богу я ничего не понимаю. Вам лечится надо, князь!

Бунша: Николай Иванович, вы не называйте меня князем, я уже доказал *путем представления документов*, что за год до моего рождения мой папа уехал за границу и, таким образом, очевидно, я сын нашего кучера Пантелея.

Тимофеев: Как вам объяснить, что меня нельзя тревожить во время этой работы.

Бунша: Нет вы объясните. *Я передовой человек*. Вчера была лекция для управдомов и я *колоссальную пользу получил*. Почти все понял. Про стратосферу.

Тимофеев: Когда вы говорите Иван Васильевич, впечатление такое, что вы бредите¹.

Такое же впечатление может создаться и у зрителя, т.к. лекция *именно* для управдомов на далекую для управдомных дел тему о стратосфере, из которой Бунша извлек «колоссальную пользу», хотя не все понял (а скорее всего — ничего не понял) — звучит бредом.

Далее выведенный из терпения Тимофеев называет Буншу «старый зуда», на что управдом с «достоинством» отвечает: «После этих *кровавых оскорблений* я покидаю квартиру и *направляюсь в милицию*. Я — лицо, занимающее *ответственнейший пост* управдома, и обязан наблюдать». Изобретатель пытается объяснить суть своего эксперимента, который поможет пронизать пространство, перейти в прошлое. Управдом и тут далек от того, чтобы хоть что-нибудь понять, он тупо повторяет: «Пронизать пространство? Такой опыт можно сделать *только с разрешения милиции*».

Когда Тимофеев убеждается, что опыт удался, он возбужденно и счастливо спрашивает: «Хотите, увидим древнюю Москву? Неужели вам не страшно? Вы не волнуетесь?»

Бунша: Николай Иванович! Одумайтесь, прежде чем такие *опыты в жакете* делать¹!

Всеми красками расцвечена речь вора-оптимиста Милославского. Здесь и претенциозно-жеманные французские слова и блатной жаргон и газетные штампы. Вор — не дурак, ему хватает беглого взгляда на убранство комнаты Шпака, чтобы догадаться, что он имеет дело со стареющим эпикурейцем коммунальной квартиры. Милославский, открыв дверь отмычкой, звонит Шпаку на службу: «Отдел международных перевозок. Мерси. Добавочный 501. Мерси. Товарища Шпака. Мерси. Товарищ Шпак? Бонжур. Товарищ Шпак, вы до самого конца сегодня на службе будете? Говорит одна артистка . . . Нет, не знакома, но безумно хочу познакомиться. Так вы до 4-х будете? Я вам еще позвоню, я очень настойчивая . . . Нет, блондинка. Контральто. Ну, пока». Жулик не ошибся. Шпак попался на удочку. Из комических ответов Милославского читателю (зрителю) становятся ясны вопросы Шпака, а заодно и сам ограниченный «совслужащий». В первом же действии комедии звучит выразительное трио: Тимофеев, управдом и Милославский. Бдительный управдом подозрительно смотрит на Милославского, нивесть как оказав-

¹ Сатирический образ управдома имеется и у других современников М. Булгакова. Достаточно вспомнить язык управдома Журавлева из повести А. Толстого *Гадюка*. Окуроченный на лестнице он называет «антипожарным безобразием». Владельцу проштрафившейся собаки делает выговор в таких выражениях: «. . . если ваша собака будет продолжать эти *выступления на лестнице* — возбужу судебное преследование» (цит. по книге А. Н. Васильева *Стилистический анализ языка художественного произведения*, Москва, 1966 г., стр. 181).